

Наш мир
испорчен

БЫВШИЙ МУЖ:
Он хочет забрать
РЕБЕНКА

Джон Запретный

18+

Джон Запретный БЫВШИЙ муж: Он хочет забрать ребенка

<https://litres.ru/74514663>

SelfPub; 2026

Аннотация

Настя думала, что у неё есть семья. Муж, дочка, съёмная комната у родителей — не идеально, но своё. Пока Матвей не начал задерживаться, прятаться в туалете с телефоном и приходить домой с запахом чужих духов. Пока в банковском приложении не всплыли цветы, которых она не получала, и духи, которые она не носила. Пока подруга Саша не выложила в сторис фото с мужской рукой, на которой были те самые часы — подарок Насти.

Матвей не признал вину. Он сказал, что виновата она. Что после родов она перестала быть женщиной. И ушёл.

Эта книга может напомнить вам вашу историю или историю ваших подруг. Читать только тем, кто готов пережить погружения в данную историю, она очень реалистична.

Содержание

Молочные реки	4
Пароль	14
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Джон Запретный Бывший муж: Он хочет забрать ребенка

Молочные реки

Ночник горел жёлтым, слабым, как будто тоже устал. Он стоял на подоконнике между банкой с остывшим чаем и радиоприёмником, который отец включал только по субботам, чтобы слушать новости, а потом забывал выключить, и тот шипел в пустоту до вечера. Настя сидела на табуретке, привалившись спиной к стене, и держала Диану у груди. Малышка чмокала, сопела, хватала воздух, теряла сосок, находила снова. У Насти затекло плечо. Она уже не помнила, когда в последний раз сидела вот так, чтобы никто её не трогал, чтобы не надо было никуда идти, ничего держать, никому отвечать.

На кухне пахло вчерашней жареной картошкой и мокрой тряпкой. Тряпка лежала на краю раковины, скрученная в узел, и от неё тянуло сыростью. На клеёнке, в углу у самого края, расплылось бурое пятно от чая. Настя смотрела на него уже третью неделю и всё собиралась оттереть, но руки не доходили. Пятно было похоже на маленькую карту како-

го-то острова. Она иногда думала: вот бы туда уехать. Куда-нибудь, где нет никого.

Было четыре утра. За стеной, в комнате родителей, скрипнула кровать. Отец ворочался, потом затих. Мать кашлянула один раз, коротко, будто извиняясь. Настя знала эти звуки наизусть. Она выросла с ними. Скрип половиц, кашель, шелест одеяла, тихий шёпот за стеной, когда родители о чём-то говорили, думая, что она спит. Теперь она сама лежала с открытыми глазами, только не в своей детской кровати с наклейками, а на раскладушке в маленькой комнате, где раньше была кладовка. Кладовку расчистили, когда она сказала, что беременна. Отец вынес оттуда лыжи, банки, старый телевизор, и поставил раскладушку. «Поживёте, пока не встанете на ноги», сказал он тогда, и Настя кивнула, хотя внутри что-то сжалось. Ей было стыдно. До этого дня она никогда не думала, что вернётся в родительский дом вот так, с мужем и ребёнком, как будто жизнь дала задний ход.

Диана отпустила грудь и закричала. Настя поправила её, прижала к себе, начала покачивать. Малышка пахла молоком и чем-то тёплым, своим, детским. Этот запах был единственным, что держал Настю на поверхности в последние месяцы. Она вдыхала его и думала: вот, это моё. Это я сделала. Это моё, и этого у меня никто не отнимет.

Она вспомнила, как Матвей ждал её из роддома. Он стоял у ворот с тремя шариками, красным, синим и жёлтым, и они вырывались у него из рук, а он смеялся и ловил их, и был та-

кой неуклюжий, такой счастливый, что у Насти тогда в груди что-то перевернулось. Он взял Диану на руки первый раз и держал так осторожно, будто она из стекла. Сказал: «Она на тебя похожа». Настя тогда заплакала. От счастья. Она была уверена, что теперь всё будет хорошо. Теперь у них есть семья. Настоящая.

Сейчас она вспоминала это и не понимала, куда всё делось. Как будто тот Матвей ушёл куда-то, а вернулся другой человек. Чужой. Такой же с лица, с тем же голосом, с той же родинкой на щеке, но внутри пустой. Или не пустой, а занятый кем-то другим. Настя старалась об этом не думать. Она гнала эти мысли, как надоедливых мух. Потому что если начать думать, то можно додуматься до такого, с чем потом не заснёшь.

Диана заснула. Настя встала тихо-тихо, чтобы не скрипнуть табуреткой, положила её в кроватку, которая стояла вплотную к её раскладушке. Кроватку отдали соседи, у которых внуки выросли. Она была старая, деревянная, с облупившейся краской, но крепкая. Настя протёрла её дважды, перестелила, и всё равно каждую ночь прислушивалась, не скрипит ли. Диана спала, поджав кулачки к лицу. Ресницы у неё были длинные, тёмные, как у Матвея. Настя смотрела на эти ресницы и не знала, что чувствует. Любовь. И что-то ещё, тяжёлое, что подступало к горлу.

Она вернулась на кухню, налила себе воды из чайника, но пить не стала. Села. В окне было чёрно, только один фо-

нарь во дворе горел, и от него на стене лежала длинная тень от тополя. Настя смотрела на эту тень и ждала. Она не признавалась себе, что ждёт, но ждала. Каждую ночь. Уши сами ловили звук шагов на лестнице, скрип двери подъезда, звук лифта. Она ненавидела себя за это. Но ничего не могла с собой сделать.

В пять минут седьмого хлопнула входная дверь. Не сильно, но Настя услышала. Она всегда слышала. В прихожей зашуршала куртка. Потом шаги. Тяжёлые, неспешные. Матвей вошёл на кухню, и первое, что Настя почувствовала, был запах. Пиво. И сигареты. Но не его сигареты. Матвей курил «Винстон», она знала этот запах, он въелся в его куртки, в его волосы, в его пальцы. А тут был другой табак. Сладкий, приторный, как будто жжёный сахар. И ещё что-то, тонкое, на грани, что она не смогла разобрать сразу.

Он бросил куртку на стул. Куртка свесилась, почти коснувшись пола, но он не поправил. Посмотрел на Настю, кивнул, будто она была соседкой, с которой он встретился в подъезде, и сел за стол.

Ты не спишь, сказал он.

Кормила, ответила Настя.

Она встала, открыла холодильник, достала кастрюлю с супом. Суп был вчерашний, но она утром варила новый бульон, чтобы был свежий. Она всегда так делала. Матвей любил, когда суп на курице, с лапшой, и чтобы обязательно укроп. Она грела ему суп в маленькой кастрюльке, потом на-

ливала в большую тарелку, с синим ободком, его любимую. Он её привёз из общежития, когда они только начали жить вместе. Тарелка была единственная уцелевшая из того набора, который дала его мать.

Матвей сидел, развалившись, смотрел в телефон. Настя поставила перед ним тарелку, положила ложку, хлеб. Он взял ложку, зачерпнул, подул. Ел молча. Настя стояла у плиты, сложив руки на груди, и смотрела на него. Она хотела спросить: где ты был. Хотела спросить: почему так поздно. Хотела сказать: у Дианы сегодня поднялась температура, тридцать семь и два, я давала ей нурофен, я не спала, я боялась. Но не сказала ничего. Потому что уже знала, что будет. Он скажет: «Ну и что, ты же справились». Или скажет: «Не начинай». Или промолчит, и это будет хуже всего.

Матвей доел суп, отодвинул тарелку. Спасибо, сказал он, не глядя. Встал, пошёл в ванную. Настя слышала, как зашумела вода. Она села за стол, на его место, и уставилась на пустую тарелку. Ложка лежала поперёк, как будто её бросили. На клеёнке, рядом с тарелкой, осталась крошка хлеба. Настя смахнула её ладонью. Руки у неё были сухие, как бумага. Она давно перестала мазать их кремом. Не до того было.

Вода в ванной затихла. Матвей вышел, прошёл мимо неё, не сказав ни слова, и ушёл в комнату. Через минуту Настя услышала, как он лёг. Кровать скрипнула один раз. И тишина. Он не спросил, как Диана. Он вообще не зашёл к ней. Хотя кроватка стояла в двух метрах от его кровати. Он про-

сто лёг и затих. Настя сидела на кухне ещё минут десять. Потом встала, выключила свет, пошла в комнату. Матвей уже спал, или делал вид, что спит. Она легла на раскладушку, повернулась к Диане, накрыла её одеяльцем, которое вязала её мать, ещё когда Настя была беременна. Одеяльце было голубое, с зайцами. Мать вязала его на ощупь, вечерами, при телевизоре. Настя помнила, как она сидела в кресле, и спицы стучали, стучали, стучали.

Она закрыла глаза, но не спала. В голове крутились обрывки мыслей. Завтра надо сдать анализ, надо позвонить в поликлинику, надо купить смесь, потому что молоко стало меньше, надо поговорить с матерью о деньгах. Деньги. Вот это было самое страшное слово. Матвей работал на стройке, получал неплохо, но в последние месяцы говорил, что зарплату задерживают. Настя не проверяла. Она не хотела проверять. Она боялась того, что может увидеть.

Утром её разбудил Диана. Она кряхтела, потом начала плакать, сначала тихо, потом громче. Настя вскочила, взяла её на руки. Матвей спал. Он спал так, как будто его здесь не было. Настя вышла с Дианой на кухню, чтобы не разбудить, включила чайник. Мать уже встала, она всегда вставала рано, и возилась у плиты.

Дай, я подержу, сказала мать, протягивая руки.

Настя отдала. Диана сразу успокоилась, уткнулась бабушке в плечо. Мать покачала её, посмотрела на Настю.

Ты опять не спала, сказала она.

Спала, ответила Настя.

Не ври. У тебя глаза красные.

Настя ничего не ответила. Она налила себе чай, но не пила, а просто держала чашку в руках. Тепло шло через керамику в ладони. Мать смотрела на неё и молчала. Она не любила лезть. Она всегда говорила: сама разберёшься. Но Настя чувствовала, что мать всё видит. И это было тяжелее, чем если бы она спрашивала.

Потом пришёл отец. Он мылся, одевался быстро, завтракал стоя, и уходил на работу. Он работал сторожем на складе, смены были через сутки. Когда он уходил, то всегда целовал Диану в макушку и говорил: «Ну, будьте тут». Настя любила этот момент. Что-то в нём было настоящее. Не придуманное.

После завтрака Настя пошла в комнату, чтобы взять телефон. Матвей проснулся. Он лежал на спине, руки за голову, смотрел в потолок. Настя подошла к кровати, взяла телефон с подоконника. И в этот момент увидела. На его шее, сбоку, под ухом, была царапина. Тонкая, длинная, красная, будто от ногтя. Свежая, не зажившая. Настя замерла. Она смотрела на эту царапину и не могла отвести глаз.

Кот поцарапал, сказала она. Голос прозвучал глухо, как чужой.

Матвей открыл глаза. Какой кот?

Наш. Ночью.

Он поднял руку, потрогал шею, поморщился.

Да, наверное, сказал он. Он спал на подоконнике.

Настя кивнула. И вышла. В коридоре она остановилась, прислонилась к стене. Кот спал на кухне. Он никогда не заходил в комнату. Он боялся Матвея. Настя это знала. Она сама видела, как кот шипит и убегает, когда Матвей подходит. Но она заставила себя поверить в эту царапину. Потому что если не поверить, то придётся смотреть дальше. А смотреть дальше было страшно.

Вечером Настя решила позвонить свекрови. Она набрала номер, подождала. Свекровь ответила не сразу, на пятом гудке.

Алло, сказала она.

Здравствуйте, это Настя.

А, Настя. Привет.

Она всегда говорила вот так: коротко, без тепла. Настя не понимала, почему так. Она ничего плохого ей не сделала. Может быть, потому что свекровь хотела, чтобы Матвей женился на другой. Или потому что она не любила, когда сын женится. Настя не знала. Она перестала об этом думать давно.

Я вам фото Дианы хотела отправить, сказала она. Мы вчера в парке гуляли, она смеялась.

Давай.

Настя отправила. Потом приложила телефон к уху и стала ждать. Свекровь молчала. Настя слышала, как она листает что-то, как шуршит. Потом пришёл звук. Короткий, как выдох. Смайлик. Она поставила смайлик. И всё.

Красивая, сказала свекровь.

Да, ответила Настя.

Ну ладно, я побегу. Дел много.

Да. До свидания.

Пока.

Настя опустила телефон. Рука дрожала. Она не могла понять, что именно её так задело. Смайлик. Обычный смайлик, жёлтый, с улыбкой. Но это было всё, что свекровь сказала про внучку. Всё. Она не спросила, как Диана спит, как ест, не болеет ли. Она не спросила, как Настя. Она вообще ничего не спросила. Просто смайлик. Настя сидела на краю раскладушки, держа телефон в руках, и чувствовала, как внутри поднимается что-то горячее. Не злость. Обида. Тёмная, вязкая, как смола.

Диана спала. Настя смотрела на неё и думала: почему. Почему твоя бабушка не любит тебя. Ты же ни в чём не виновата. Ты просто родилась. Ты просто есть. Она хотела заплакать, но не могла. Слез не было. Была только тяжесть в груди и сухость во рту.

Она пошла в ванную. Закрыла дверь, включила воду. Сильную, чтобы шумела. И только тогда села на край ванны, закрыла лицо руками, и заплакала. Тихо. Без всхлипов. Просто слёзы потекли, и она не вытирала их. Вода шумела, заглушая всё. Она сидела так минут десять, потом умылась, посмотрела на себя в зеркало. Лицо опухшее, глаза красные. Она вытерла лицо полотенцем и вышла.

Матвей всё ещё спал. Было двенадцать дня. Солнце лезло в окно, но он занавесил его простынёй ещё утром, чтобы не мешало. Настя стояла в дверях и смотрела на него. На его спину, на плечи, на затылок. Она помнила, как любила эти плечи. Как клала на них голову и слушала, как он дышит. Как думала, что это её дом. Теперь она смотрела и не узнавала. Это был незнакомый человек. Он спал в её родительском доме, на её кровати, и от него пахло чужими сигаретами.

Настя тихо закрыла дверь. Пошла на кухню, села к Диане. Малышка спала, поджав губы, как будто сосала что-то во сне. Настя погладила её по голове. Волосы были мягкие, светлые, как пух. Она подумала: ничего. Я что-нибудь придумаю. Я не сдамся. Она не знала, что именно придумает, и что будет дальше, но эти слова, сказанные самой себе, дали ей немного тепла. Она сжала их в себе, как камешек в кулаке. И стала ждать, что будет.

На улице шёл снег. Он был редкий, мелкий, как крупа, и таял, не долетая до земли. Настя смотрела в окно и думала, что зима в этом году будет длинная. Она ещё не знала, насколько.

Пароль

Прошло четыре дня. Настя считала их по кормлениям, потому что так было проще. Утро, день, вечер, ночь, снова утро. Диана ела каждые три часа, иногда чаще, и Настя при-
норовилась жить в этих промежутках, как в вагонах поезда. Между кормлениями она успевала постирать пелёнки, сварить кашу, помыть пол, а иногда просто сидела и смотрела в стену. Стена была бежевая, с трещиной у потолка, и в трещине завелась паутина. Настя видела её каждый день и каждый день думала, что надо бы убрать, но так и не убрала.

Матвей приходил поздно. Не так, как в ту первую ночь, а ещё позже, часа в два, иногда в три. Он научился открывать дверь тихо. Настя слышала, как он поворачивает ключ медленно, по миллиметру, чтобы не щёлкнул замок. Она лежала на раскладушке с открытыми глазами и слушала. Потом он шёл в ванную, шумел водой, и она чувствовала, как запах наполняет квартиру. Пиво. Сигареты. И то самое, сладкое, чужое, что она не могла назвать. Оно держалось в воздухе долго, даже после того, как он ложился. Настя лежала и дышала этим запахом, и внутри у неё что-то сжималось, как кулак.

Он ничего не объяснял. Она ничего не спрашивала. Так было проще. Так они жили.

В субботу днём Матвей спал. Он всегда спал днём после ночных гулянок, и Настя привыкла ходить на цыпочках, что-

бы не разбудить. Диана капризничала, у неё резался первый зуб, и она плакала почти без остановки. Настя носила её на руках по коридору, качала, пела тихонько, чтобы не разбудить Матвея, и думала, что если он сейчас проснётся и скажет что-нибудь, она не выдержит. Она сама не знала, что именно не выдержит, но чувствовала, что внутри натянута струна, и если её тронуть, она лопнет.

Диана заснула только к трём. Настя положила её в кроватку, постояла над ней минуту, потом вышла на кухню. Ей нужно было узнать время, потому что телефон разрядился, а зарядку она оставила в комнате, где спал Матвей. Она не хотела туда заходить. Но надо было дать Диане лекарство через час, а без часов она боялась опоздать. Настя постояла в дверях, послушала. Матвей дышал ровно, глубоко. Она сделала шаг, потом второй, потом третий. На подоконнике лежал его телефон. Он всегда клал его туда, экраном вниз, и это Настя тоже замечала давно, но не придавала значения. Просто привычка. У всех есть привычки.

Она взяла телефон. Просто чтобы посмотреть время. Экран загорелся, и она увидела. Вместо привычных цифр, которые она знала наизусть, потому что он сам когда-то давно показал ей свой код, там была рамка для ввода. Четыре точки. Пустые. Настя смотрела на эти точки, и в голове у неё было пусто. Она не думала ничего. Она просто стояла и смотрела, как экран гаснет, и как загорается снова, когда она случайно задевает его пальцем.

Что ты делаешь.

Голос был резкий, как удар. Настя вздрогнула и обернулась. Матвей сидел на кровати. Глаза красные со сна, волосы примяты, но смотрел он на неё так, будто она занесла над ним нож. Он встал, шагнул к ней, и вырвал телефон из её рук. Не грубо, но так, что она почувствовала силу. Пальцы у него были холодные. Он задел её за запястье, и у неё остался след, красная полоса.

Я просто хотела время посмотреть, сказала Настя.

Она сама услышала, как жалко это прозвучало.

Время, повторил Матвей. Он смотрел на неё, и в глазах у него было что-то, чего она раньше не видела. Злость, да. Но не только. Ещё страх. Он испугался. Она поняла это и не поняла одновременно.

Что ты там искала.

Ничего. Я говорю тебе, время.

Ты специально взяла.

Матвей, я не специально. Мне надо было Диане лекарство дать.

Он отвернулся. Поставил телефон на подоконник, теперь уже экраном вверх, как будто так его нельзя было взять незаметно. Потом потёр лицо ладонью. И вдруг голос у него изменился. Стал мягче. Он повернулся к ней, и на лице появилось что-то похожее на улыбку, но улыбка была кривая, как будто он её натянул.

Извини, сказал он. Я просто не выспался.

Ничего, ответила Настя.

Просто у нас на работе, ну, ты знаешь, корпоративная тайна. Сметы, проекты. Если кто-то чужой возьмёт телефон, потом проблемы. Начальник строгий. Понимаешь?

Понимаю.

Я не хотел тебя обидеть.

Я не обиделась.

Он подошёл, обнял её за плечи, поцеловал в макушку. Губы у него были сухие и холодные. От него пахло сном, несвежим бельём и чем-то ещё, тем самым, что она не могла разобрать. Настя стояла в его руках и чувствовала, как внутри у неё всё сжимается. Она хотела отстраниться, но не отстранилась. Она стояла. Потому что если отстраниться, то он поймёт, что она что-то чувствует. А она не хотела, чтобы он понимал.

Ладно, сказал он. Я пойду поем.

Он ушёл на кухню. Настя осталась стоять в комнате. Она смотрела на телефон на подоконнике. Экран был тёмный, чёрный, как маленькое зеркало. В нём отражалось окно, за окном серое небо и ветка тополя. Настя смотрела на это отражение и думала: почему он так испугался. Если бы он просто не хотел, чтобы она брала телефон, он бы сказал спокойно. Он бы пошутил. Он бы сказал: «Там мои секреты, тебе нельзя». Но он закричал. И потом извинился так, будто репетировал.

Она заставила себя отвернуться. Пошла к Диане, попра-

вила одеяльце, проверила лоб. Лоб был тёплый, но не горячий. Всё в порядке. Она села на раскладушку, взяла с подоконника свою книгу, которую не читала уже месяц, открыла на случайной странице и уставилась в строчки. Буквыплыли. Она не понимала ни слова.

Вечером пришли родители. Отец вернулся со смены, усталый, серый, сел есть. Мать хлопотала у плиты. Матвей сидел с ними, ел, шутил, спрашивал отца про работу. Он умел быть обаятельным. Настя смотрела на него и удивлялась, как он это делает. Как он может смеяться, как будто ничего не было. Как будто он не кричал на неё днём. Как будто всё хорошо.

После ужина мать позвала её на кухню. Настя пришла, думая, что речь пойдёт о пелёнках или о деньгах. Мать вытирала стол тряпкой, медленно, кругами.

Ты какая-то не такая последние дни, сказала она.

Всё нормально, мам.

Я не слепая.

Настя промолчала. Мать вздохнула, отложила тряпку.

Он пьёт? спросила она.

Нет. То есть да, но не так. Не сильно.

Гуляет?

Настя не ответила. Мать посмотрела на неё, и в этом взгляде было столько всего, что Настя не выдержала. Она отвернулась, взяла с сушилки чашку, стала вытирать полотенцем, хотя чашка была сухая.

Мам, не надо.

Я ничего не говорю.

Ты говоришь.

Я просто спросила.

Настя поставила чашку. Слишком громко, так, что та звякнула о стол. Мать вздрогнула. Настя тут же пожалела, но извиняться не стала. Она взяла с плиты кастрюлю, начала мыть. Вода шумела, и в этом шуме можно было не разговаривать. Мать постояла ещё немного, потом вышла. Настя мыла кастрюлю долго, дольше, чем было нужно. Тёрла стенки, пока не заболели руки. Ей хотелось плакать, но слёз опять не было. Только тяжесть. В груди, в горле, в руках.

Ночью она не спала. Матвей пришёл в час, лёг, затих. Настя лежала и смотрела в потолок. В комнате было темно, только свет от фонаря с улицы, тот самый жёлтый, который она знала с детства. Диана спала. Всё было тихо.

А потом она услышала.

Скрипнула дверь в ванную. Очень тихо, почти неслышно. Потом щёлкнула задвижка. И тишина. Настя повернула голову. Матвей стоял в дверях, она видела его силуэт, потом он вышел и прикрыл за собой дверь. Настя лежала и слушала. Она слышала, как шумит вода, но не сильно. Как будто он открыл кран на чуть-чуть. Потом она услышала другой звук. Щелчки. Быстрые, частые. Он печатал. В туалете, ночью, с включённой водой. Чтобы никто не слышал.

Настя лежала очень тихо. Она даже дышать стала через раз. Она не понимала, что делает, но слушала. Щелчки пре-

кратились. Потом ещё раз. Потом ещё. И вдруг у неё в голове всплыло то, что она гнала от себя все эти дни. Пароль. Царапина. Запах. Чужие сигареты.

Она зажмурилась и прижала ладони к глазам. Потому что нельзя было думать дальше. Нельзя было. Диана шевельнулась во сне, зачмокала губами. Настя опустила руки, посмотрела на неё. Маленькая, тёплая, своя. Настя смотрела на дочь и думала: если это правда, то что тогда.

Вода в ванной затихла. Щёлкнула задвижка. Дверь скрипнула. Матвей прошёл в комнату, тихо, на цыпочках. Он думал, что она спит. Настя закрыла глаза и выровняла дыхание. Она слышала, как он лёг, как заскрипела кровать, как он повернулся. Потом тишина. Настя лежала с закрытыми глазами и считала удары сердца. Досчитала до ста, до двухсот. Потом перестала считать. Она не спала до утра.

Утром, когда Матвей ушёл, она встала. Диана ещё спала. Настя зашла в ванную, чтобы умыться, и там на полке, рядом с его бритвой и его гелем для душа, она увидела это. Маленький пробник духов. Стекланный, тонкий, на дне ещё осталось немного. Она взяла его в руки. Понюхала. И сразу узнала. Сладкий, цветочный, тот самый запах, который она ловила ночами и не могла назвать. Не её. Никогда не её. Она не пользовалась духами уже год. С тех пор, как забеременела. Ей казалось, что от запаха у неё болит голова.

Настя стояла в ванной с этим пробником в руках и смотрела на себя в зеркало. Лицо было серое. Глаза ввалились.

Волосы висели сосульками, потому что она не мыла их уже неделю. Она смотрела на себя и не узнавала. Это была она. И это была не она. Настя зажала пробник в кулаке. Стекло было холодное, тонкое, чуть не треснуло. Она подумала: выбросить. Потом подумала: оставить. Потом положила его обратно на полку. На то же место. Ровно так, как было. Ей надо было знать. Это было тяжело и страшно, но ей надо было знать.

Она вышла из ванной, умылась, оделась, взяла Диану и пошла гулять. Было холодно, но не морозно. Снег шёл крупный, мягкий, тот, что лепится. Настя надела на Диану тёплый комбинезон, шапочку, укутала в одеяльце. Она любила гулять в такую погоду. Двор был пустой, тихий, деревья стояли в снегу, как в белых шубах. Диана в коляске смотрела по сторонам и улыбалась. Она улыбалась всему: небу, веткам, снежинкам, которые падали ей на рукавички. Настя смотрела на неё и в первый раз за много дней чувствовала что-то похожее на покой.

Они прошли мимо детской площадки, мимо гаражей, вышли на улицу, где был магазин. Настя думала купить хлеб и молоко. Диана начала кряхтеть, значит, скоро попросит есть. Настя прибавила шаг.

Настя!

Она обернулась. По тротуару шла Саша. В белой куртке, с распущенными волосами, с улыбкой во весь рот. Настя её знала с института. Они не были близкими подругами, но об-

щались, иногда переписывались, иногда встречались в кафе. Саша была из тех, кто всегда в центре. Яркая, громкая, с историями, с шутками. Настя всегда чуть-чуть ей завидовала. Не завистью злой, а тихой, какую не признаются.

Привет, сказала Саша, подходя. Ой, это Диана? Какая она большая уже!

Да, растёт, ответила Настя. Она заставила себя улыбнуться.

Они постояли, поговорили. Саша рассказывала про работу, про какого-то мужчину, про то, что ездила отдыхать. Настя кивала. Она слушала, но краем сознания. Потому что, когда Саша подошла, к ней подошёл запах. Тот самый. Сладкий. Цветочный. Чужой.

Настя замерла. Она смотрела на Сашу и втягивала воздух, и не могла поверить. Тот самый запах. Из пробника на полке. Из ночей. Из его куртки. Тот самый.

А что это у тебя за духи? спросила Настя. Голос у неё был спокойный, ровный. Она сама удивилась, как спокойно это прозвучало.

Саша расцвела.

Ой, тебе нравится? Мне подарили. Новинка, я такие давно хотела. Правда, классные?

Классные, сказала Настя.

Ей стало плохо. Не сразу. Сначала просто замутило, будто она слишком быстро встала. Потом потемнело в глазах. Она ухватила за ручку коляски. Саша что-то ещё говори-

ла, смеялась, поправляла волосы. Настя смотрела на её губы, которые шевелились, и не слышала слов. В голове было белое, шумное, как будто накрыло волной.

Настя, ты чего? Ты белая вся.

Ничего, ответила Настя. Голова закружилась.

Может, тебе присесть? Вон лавочка.

Нет, всё нормально. Мне домой надо, Диану кормить.

Саша кивнула, но смотрела на неё с беспокойством. Или Насте так показалось. Может быть, с чем-то другим. Она не могла сейчас разбирать. Ей надо было уйти.

Ну, давай. Пиши, сказала Саша. Она наклонилась, посмотрела на Диану, помахала рукой. Пока, малышка.

Диана улыбнулась ей. Саша засмеялась, помахала ещё раз, и пошла дальше. Её белая куртка мелькала между прохожими, пока совсем не исчезла.

Настя стояла на месте. Она не могла сдвинуться. Ладони вспотели, и ручка коляски стала скользкой. Она смотрела на то место, где только что была Саша, и в голове у неё одна за другой проносились картинки. Пробник духов. Мужская рука с часами в сторис. Тот самый смех. Тот самый запах. Она не хотела складывать это вместе. Но оно складывалось само. Как пазл, который не хотел собираться, а потом вдруг щёлк, и всё встало на место. Только картинка оказалась страшная.

Настя, ты чего стоишь?

Она обернулась. Пожилая женщина с сумками смотрела на неё.

Всё хорошо, сказала Настя. Она взяла коляску и пошла домой. Быстро, почти бегом. Диана начала плакать, но Настя не остановилась. Она неслась по улице, толкая коляску, и снег летел ей в лицо, и она не чувствовала холода. Дома она поднялась по лестнице, открыла дверь, зашла, заперлась. Диана плакала громко, взхлёб. Настя сняла её с коляски, села на пол прямо в прихожей, прижала к себе, и стала качать. Не разуваясь, не снимая куртки. Просто сидела на полу и качала дочь. И в этот момент она первый раз за всё время позволила себе подумать то, что гнала от себя.

Это правда.

Она не заплакала. Диана плакала, а Настя нет. Она сидела и смотрела перед собой, и её глаза были сухие. Она думала: значит, вот что. Значит, так. Она повторяла это про себя, как будто привыкала к слову на новом языке.

Матвей пришёл вечером. Настя слышала, как он открывает дверь. Она сидела на кухне и чистила картошку. Диана спала. Матвей прошёл на кухню, поцеловал её в затылок.

Чем пахнет, спросил он. Жареным?

Суп варю, ответила Настя.

Он сел, взял телефон. Настя смотрела на него. На его руки, на его лицо, на телефон в его пальцах. Она смотрела и думала: неужели это ты. Неужели ты. И ещё она думала другое, страшное: а если это правда, то я всё равно ничего не скажу. Пока не скажу. Потому что если сказать, то надо будет что-то делать. А она не знала, что делать. У неё на руках

была Диана. У неё не было работы, не было своих денег, не было своего угла. Она жила в родительской квартире. Она зависела от него. Она боялась.

Нож соскользнул. Настя порезала палец. Кровь выступила быстро, яркая, красная, и капнула на картофелину. Настя смотрела на неё секунду, потом подставила палец под воду. Матвей поднял голову.

Порезалась?

Ничего. Пройдёт.

Он вернулся к телефону. Настя смотрела на воду, на кровь, которая растворялась и уходила в сток, и думала, что так же уходит всё, что она знала. Тихо, струйкой, в канализацию. Она заклеила палец пластырем, продолжила чистить картошку. Работала руками, а голова была пустая. Или не пустая, а очень тихая. Как будто внутри что-то переключилось и теперь она просто ждала. Чего, она не знала.

Ночью, когда Матвей опять закрылся в ванной, Настя лежала на раскладушке и смотрела на телефон, который оставила у себя на подоконнике. Экран был тёмный. Она знала, что не подойдёт. Не сегодня. Но она уже понимала, что подойдёт. Рано или поздно. Потому что она хотела знать. Как ни страшно, как ни больно, она хотела знать всё. И это желание было сильнее страха. Оно росло в ней, медленно, но неотступно.

За стеной печатал телефон. Настя слушала щелчки. Один, два, три. Пауза. Потом ещё. Она лежала и запоминала. Всё.

Каждый звук. Потому что теперь у неё была цель. Смешная, жалкая, но цель. Она хотела узнать правду. Даже если потом она её убьёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.